

Одна из важнейших особенностей стилистических изменений в древнерусских памятниках заключается в том, что индивидуальное стилистическое своеобразие авторской работы сказывается в этих памятниках еще сравнительно слабо. Индивидуальный стиль еще не выработался. Авторы меняют свою манеру в зависимости от жанра, в котором пишут, и от того, о чем они пишут, — от предмета изображения. Поэтому, редактируя текст, древнерусский книжник отражает в нем не свои индивидуальные требования к стилю, а требования эпохи, затем требования жанра и, наконец, требования литературного этикета¹. Но здесь мы уже выходим из пределов текстологии в область литературоведения.

Идейные изменения

Идейные изменения в тексте могут быть связаны со стилистическими и могут не быть с ними связаны, могут вести к композиционным изменениям всего текста и касаться только отдельных его мест. Памятнику может быть придан обратный смысл или сделана только та или иная «подчистка». В нем может быть добавлена идея, которой до того в нем не было, и изъята та идея, которая в нем была. Разнообразие изменений, которые могут быть внесены в произведение, и разнообразие приемов этих изменений невозможно не исчерпать, ни предусмотреть. В основном мы будем касаться их на всем протяжении дальнейшего изложения. Сейчас же отметим только следующее. Сознательные изменения могут вноситься в памятник без каких-либо дополнительных письменных источников и могут потребовать этих дополнительных источников.

Остановимся прежде всего на вставках в текст — глоссах и интерполяциях писцов.

Глоссы и интерполяции

Термины «глосса» и «интерполяция» употребляются часто альтернативно. Необходимо различать их следующим образом. Глосса — это пометка на полях или между текстом данной конкретной рукописи. Глосса

¹ В. В. Виноградов пишет: «В истории... древнерусской литературы категория индивидуального стиля не выступает как фактор литературной дифференциации и оценки произведений словесного творчества почти до самого конца XVII века» (В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 45). «Даже в XVII веке индивидуальные черты писательского слога выступают лишь как видоизменения, некоторые вариации в системе общего жанрового стиля» (Там же. С. 55). «Понятие индивидуального авторского стиля... неприменимо к древнерусской литературе, по крайней мере до XVII века» (Там же. С. 56).

графически не сливается с основным текстом. Интерполяция же — это вставка в текст произведения, сросшаяся с этим текстом графически и по существу, хотя часто и нескладно. Сделать интерполяцию в тексте может и сам переписчик непосредственно в процессе переписки текста, но чаще интерполяция представляет собой переписанную писцом глоссу.

Глоссы и интерполяции делаются по разным причинам: для придания тексту большей полноты (например, интерполяции из других сочинений на ту же тему — особенно в сочинениях исторических) или разъяснения кажущегося писцу непонятным текста (глосса, разъясняющая трудное слово, дефект текста, малопонятное рассуждение, неясный факт и пр.) для восполнения мнимого или действительного пропуска.

Разъяснения писцов на полях и в тексте рукописей могут быть разнообразны по содержанию, по форме, по размерам.

Приведу примеры из рукописи болгарского Рыльского монастыря 4/4 (1) (№ 34), где имеются различные приписки на полях (частично для них писец оставлял даже специальное место, и поэтому, возможно, они принадлежат его предшественнику). Так, к тому месту «Слова Григория Богослова на пасху», где говорится о коне на «обращалище», писец дает на полях киноварью следующее разъяснение. «Есть в Константине граде ипподоромие, сиречь конье рискалище, и ту обучаваху колеснице с конми в течении и в обращении, яко да егда брань будет готови суть, и есть обрать иде же текуще въходит, да иже предварить иных и, добре в обращении угодивъ въходит ть венць победы приемлеть и от тали начесе притча сиа — боди жребць о обращении» (л. 44).

Это комментарий фактический. Но вот комментарий, выражающий отношение писца к комментируемому месту: к словам текста книги пророка Исаяи «горе съвкупляющимъ домъ къ дому и село къ селу приближающемъ» писец дает примечание: «Сице приближает село к селу обидливый. Аще видить у некого село добро или домъ украшень и на добре месте, сиа суща шьд купует у суседа, имущаго сиа близь сущаго паче же и нищъ аще будет, домъ или село или ниву и приближе всек имущому она добраа натнеть и от того къ своему селу грабити, донде ж и от него насилием купит вса или възметь» (л. 73 об.). Здесь комментарий приобрел публицистический оттенок. Такой же публицистический характер носит комментарий о несправедном взимании мыта (л. 117 об. и 261). Есть в той же рукописи разъяснение иностранных слов: евр. «саватизмо» (л. 136), греч. «ритор» (л. 236) и др. Разъясняются в рукописи философско-богословские понятия («средний путь» — л. 116 об.), характер ангельских помыслов (л. 158) и даже, что следует понимать под словом «льщение», которым дьявол уловляет людей («льщение глаголется, еже полагають на удицу ловци», л. 220)¹.

¹ Частично некоторые из такого рода приписок указаны у Е. Спространова: *Опис на рукописите в Библиотеката при Рилския манастир*. София, 1902.

Все эти глоссы сделаны на полях самим писцом рукописи (известным Владиславом Грамматиком), но часто глоссы делались на полях читателями — другим почерком, спустя много лет, а иногда даже несколько столетий.

Иногда глоссы читателей также вносились последующими переписчиками в текст. В. Лебедев указывает, например, следующий случай. В книге Иисуса Навина (IV, 6) в списке Кирилло-Белозерском № 1 / 6 (ГПБ) читается следующий текст: «Глагола господь к Моисею человеку божию о мне и о тебе вдавири и в Каисварней». Непонятному слову «вдавири» нет соответствия в греческом оригинале, по-видимому, оно внесено в текст писцом. Как это было сделано, поясняет список Погодинский № 77 (ГПБ). Здесь слово «вдавири» написано на поле: это была глосса кого-то из читателей, при переписке занесенная в текст¹.

Примером разъяснений, вносимых самим писцом непосредственно в текст переписываемого им произведения, может служить следующее место из «Александрии» в списке б. Виленского Публичного музея № 109 (147). Там рассказывается, что, желая напугать персов численностью своих войск, Александр Македонский согнал стада скота, привязав ветви к хвостам животных. Пыль от этих стад была так велика, что «въсхождаше прах до Олумпа» и тут же писец добавил «то есть до неба»². Этого пояснения нет в других списках «Александрии».

Интерполяция (пояснительная вставка переписчика) имеется, например, и в списке Р. Ф. Тимковского «Сказания о Мамаевом побоище», опубликованном И. Снегиревым: после слов Евдокии — «не сотвори, господи, якоже за много лет брань была на реце на Калке христьяном с тотары от злаго Бытыя» — писец добавил следующую фактическую справку о том, что представляло собой это «много лет»: «от Калкского побоища до Мамаевы рати 160 лет»³.

Эта интерполяция сделана на основании текста «Задонщины», где мы также читаем: «от Калагьския рати до Мамаева побоища лѣтъ 160»⁴.

Более девяноста глосс читается на полях Русского хронографа редакции 1617 г. В более поздних списках эти глоссы вставляются в текст, причем такие интерполяции то выделяются киноварью, то нет, сливаясь, таким образом, с текстом⁵.

Вставки могли делаться в целях политических, полемических, апологетических и т. д. Ко всем этим вставкам мы будем еще иметь случаи возвращаться.

¹ В. Лебедев. Славянский перевод книги Иисуса Навина... С. 169.

² В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893. С. 59 (тексты). Из рукописных материалов В. Н. Перетца.

³ И. Снегирев. Поведание и сказание о побоище великого князя Димитрия Донского. — Русский исторический сборник, т. III, вып. 2. М., 1893. С. 25.

⁴ Список ГИМ, Музейное собр., № 2060, л. 216 (см.: Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 541).

⁵ О глоссах Хронографа редакции 1617 г. см. также ниже. С. 208.